

А.И. Мариниченко

Статья «Сумерки Европы» Г.А. Ландау в контексте общественной реакции России на начало Первой мировой войны

Начало Первой мировой войны вызвало понятную реакцию российского общества и его интеллектуальных кругов. Философско-художественное осмысление этой трагедии содержится в работах многих выдающихся писателей и публицистов того времени: Л.Н. Андреева, Н.А. Бердяева, А.А. Блока, Н.С. Гумилева, Д.С. Мережковского, Ф.А. Степуна и др. Заметное место в ряду произведений подобного рода занимает статья «Сумерки Европы» («Северные записки», 1914) философа, культуролога и публициста Григория Адольфовича Ландау (1877–1941).

Заметим, что, несмотря на активную публицистическую деятельность, фигура Ландау долгое время оставалась в тени внимания и современников, и исследователей. Его дебют в российской печати состоялся в 1903 г. С этого момента он регулярно публиковал политологические и культурологические статьи и эссе в журналах «Бодрое слово», «Еврейский мир»; газетах «Восход», «Еврейское обозрение»; с 1913 г. – в журналах «Вестник Европы», «Современник», «Северные записки» и др.

Эмигрировав в 1920 г., Ландау становится постоянным сотрудником берлинской газеты «Руль», а также выступает со страниц парижских, берлинских, рижских и гельсингфорских журналов и газет. Среди его литературно-критических работ, на наш взгляд, значительный интерес представляют статьи, посвященные рецепции русской классики: «Пушкин, как воспитатель» (Руль. 1924. 8 июня. С. 2–3) и «Тезисы против Достоевского» (Числа. Париж, 1932. № 6. С. 145–163; переизд.: Классика отечественной словесности в литературной критике русской эмиграции 1920–1930-х годов: Хрестоматия. Саранск, 2009. С. 103–111). В этот период

им также были написаны книги «Закат Европы» (Берлин, 1923) и «Эпиграфы» (Берлин, 1927; переизд.: Ландау Г.А. Эпиграфы. М.: Пробел, 1997. 94 с.).

Судьба Г.А. Ландау трагична: в 1938 г. он эмигрировал из гитлеровской Германии в Латвию, и после ее присоединения к СССР был арестован в Риге органами НКВД; в июле 1941 г. погиб в заключении.

Показательно упоминание Ландау Г.В. Ивановым в переписке с В.Ф. Марковым в 1956 г.: «Известно ли Вам это имя? Мало кому известно. Был вроде как гениальный человек, еврей с наружностью Баратынского. В начале 20-х годов издал поразительный (до всякого Шпенглера) “Закат Европы”. Эмиграция его не переварила – другой Ландау – Алданов – полностью удовлетворил ее запросы» [Ivanov, 1994, S. 43]. Ф.А. Степун оставляет аналогичное свидетельство: «Природа наделила Григория Адольфовича блестящими дарованиями, но жизнь жестоко насмеялась над его даровитостью: то немного, что он написал, мало до кого дошло и мало на кого произвело должное впечатление» [Степун, 1956, с. 301]. Причины литературных неудач автора виделись Степуну в его идеологической чуждости каким-либо лагерям.

Особо ценным для нас является замечание Степуна по поводу собственной реакции на статью Ландау: «Помню, с каким захватывающим волнением читал я в галицийском окопе только что появившуюся в “Северных записках” статью Ландау “Сумерки Европы”. В этой замечательной статье было уже в 1914-м году высказано многое, что впоследствии создало мировую славу Освальду Шпенглеру» [Степун, 1956, с. 301].

Обращает на себя внимание, что уже через несколько месяцев после начала войны для Ландау стали очевидны ее эсхатологические последствия для европейской цивилизации. По мнению автора, в последние века стержнем общечеловеческой культуры являлось наследие трех руководящих держав – Англии, Франции и Германии. Первая мировая война нанесла сокрушительный удар по западноевропейской культурной гегемонии. В интерпретации Ландау процесс трансформации европейской культуры из мировой и всечеловеческой в провинциальную и частичную начался до

войны и не завершится сразу же по ее окончании. Без войны западный мир должен был постепенно изменить привычный облик, распространяясь на новые центры и впитывая в себя их достижения. Срыв культурной непрерывности, «остановка», «ослабление», «потемнение» и истолковываются автором как «сумеречность».

Центральное место в работе Ландау занимает анализ важнейших для Запада последствий мировой катастрофы, определенных им как «материальное разрушение», «уничтожение живой силы» и «моральное затмение».

Автор закономерно указывает на прямую зависимость объема потерь материальной культуры различных государств от степени их приближенности к континентальным странам. «Если в некоторой степени мир вообще будет сброшен с достигнутого уровня материального расцвета, то Западная Европа будет лежать в развалинах» [Ландау, 1923, с. 22]. Неравномерность разрушений, с его точки зрения, скажется в период восстановления. Безотносительно того, какая из европейских держав окажется победительницей, Ландау предрекает возвышение Японии и Америки, сохранивших свои силы неизрасходованными.

Под «уничтожением живой силы» автор подразумевает не только физическую смерть, но и лишение трудоспособности в силу нервных потрясений, крушения прежних жизненных ориентиров. Поэтому ближайшие десятилетия видятся ему «эпохой стариков и детей», «эпохой утомленных и незрелых» [Ландау, 1923, с. 26]. Ландау одним из первых укажет на неизбежность и необратимость гендерных изменений в обществе, вызванных резким сокращением численности населения: «На братской могиле миллионов мужчин будет построен храм женского равноправия; и в этом будет, вероятно, – или во всяком случае может быть – одно из великих в более отдаленном будущем последствий войны» [Ландау, 1923, с. 26].

Одним из наиболее деструктивных результатов войны Ландау находит «моральное затмение», т. е. установление атмосферы ненависти и подозрения между народами Западной Европы, губительной как в экономическом, так и в духовном плане.

В понимании автора, мировая война влечет за собой смещение центров культуры. В статье он подробно останавливается на двух аспектах этого процесса – политическом и духовном.

Прежде всего Ландау говорит об отчетливо наметившемся уже к концу XIX в. противостоянии ослабленной Западной Европы и «расцветающих молодых держав» – Японии, Северной Америки и России, которые частично уже побывали в столкновении (Япония–Россия), а частично еще стоят перед перспективой военного конфликта (Япония–Америка). «Сдвинулась ось мировой политики, протянулись силовые линии – уже не по европейскому, а по мировому полю, переместились центры сил» [Ландау, 1923, с. 35].

Анализируя духовные аспекты человеческого наследия, Ландау отмечает, что к последней трети XIX в. культурные достижения России становятся все более самодостаточными; Америка оказывает влияние на Европу, уступающую ей в уровне интенсификации жизни, своими политическими идеями и техническими изобретениями; кроме того, в западном обществе неуклонно возрастает интерес к религиозному и художественному потенциалу Дальнего Востока, «буддийским настроениям и японскому миро-созерцанию» [Ландау, 1923, с. 38]. Если раньше творческие потоки и влияния синтезировались в мировую культуру «в европейской кузнице, на наковальне европейской традиции» [Ландау, 1923, с. 38], то теперь отлаженный веками механизм дал сбой, знаменующий окончание великой эпохи.

Однако, несмотря ни на что, автор не утрачивает оптимистического видения происходящего: провинциализация Западной Европы означает не только ее низведение, но и возвышение новых творческих центров.

Общеизвестно, что идея гибели Запада была крайне актуальна для культурного сознания первых десятилетий XX в. Нельзя не отметить, что по замыслу и отчасти по подходам к исследуемой проблеме анализируемая статья оказывается созвучной работе О. Шпенглера «Закат Европы» (1918–1922), на что указывалось уже современниками Ландау (И.С. Лукашом, Ф.А. Степуном и др.).

В «Сумерках Европы» Ландау не пытается подвести итоги случившемуся, а достаточно точно прогнозирует грядущие геополитические и культурологические изменения. Глубокое погружение в проблему и ее адекватное восприятие свидетельствуют о незаурядности автора как философа культуры, политика и публициста. Самому Ландау статья также казалась чрезвычайно важной,

поэтому в 1923 г. он, не внося никаких изменений и дополнений, превращает ее во введение к одноименной книге – наиболее значительному своему философскому сочинению.

Выход книги не вызвал широкого резонанса в эмигрантской среде. Отчасти объяснение этому дает И.С. Лукаш: «Можно с уверенностью сказать, что труд Г.А. Ландау “Сумерки Европы” <...> просто неизвестен “подавляющему” большинству эмиграции. До нее “не дошло” и не дошло, может быть, потому, что мыслитель Ландау пребывает в том умозрительном плане, где умолкают, перестают быть повелительными и становятся ничтожными все те эмоции и все те вымыслы эмоций, которыми еще живем мы. В этом смысле Ландау не с нами, а как бы перед нами: это фигура будущей синтетической эпохи, которой налицо еще нет» [Лукаш, 1930, с. 3].

Немногочисленные отзывы на книгу были далеки от однозначного одобрения. В частности, С.И. Гессен в своей объемной рецензии, опубликованной в «Современных записках» (1923. Кн. XVI) под псевдонимом Sergius, полемизировал с основными положениями работы Ландау. Так, связывая важнейший философский мотив книги с «разрушительной идейностью», Гессен выявляет противоречие между критикуемым Ландау «утопическим максимализмом целей» и психологией самого автора, позаимствовавшей многое от психологии войны. Впрочем, рецензент не умаляет достоинств и самобытности исследования. Главные и лучшие страницы книги посвящены, с его точки зрения, апологии «европеизма». Оригинальность авторской позиции при этом заключается в том, что «позади обычно приписываемого ново-европейской культуре материализма и техницизма, он вскрывает “жизнь вечно бодрствующего за техникой духа, непрерывно следящего, осуществляющего, проверяющего, восстанавливающего”, нравственный героизм, “уровень морального напряжения”, который далеко возвышается над другими эпохами» [Sergius, 1923, с. 438]. Гессен подчеркивает, что именно в этих фрагментах «чувствуется в зародыше целая интересная по замыслу система нравственной философии» [Sergius, 1923, с. 438].

Совершенно очевидно, что статья «Сумерки Европы» представляет собой один из интереснейших опытов философско-кри-

тического осмысления Первой мировой войны и ее последствий для мировой и русской культуры.

Литература

Ivanov G., Odoevceva I. Briefe an Vladimir Markov 1955–1957 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rjthe. Köln; Weimar; Wien, 1994. 111 S.

Sergius. [Рец. на кн.:] Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923 // Современные записки. 1923. Кн. XVI. С. 436–444.

Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923. 374 с.

Лукаш И.С. Эпиграфы // Возрождение. 1930. 22 мая. С. 3.

Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т. 1. 398 с.